

Везет некоторым, за что бы ни взялись

Пример тому — Павел Каплевич

*Общая газета, - 2002. -
- 21 февр. - с. 14*

Встречаются иногда такие человеческие экземпляры, у которых все выходит «о л райт» и «зер гут», словно покровители дарований всей олимпийской деревней в очереди стояли, чтоб поцеловать их в темечко. А сам счастливцев, осознав свое счастье, ссудил «Русскому проекту» свой девиз «Все у нас подучится».

Павел КАПЛЕВИЧ работал в том проекте художником-постановщиком. Сегодня он не просто модный художник и модельер, звезда московского бомонда и задушевный друг многих vip-лиц театра, а своего рода бренд. Проявление его «сумасшедшего» таланта видели зрители спектаклей «Горе от ума» Олега Меншикова, «Коллекция Пинтера» Владимира Мирзоева, «Пигмалиона» и «Трех товарищей» «Современников» и десятков популярных кинофильмов.

— Безудержную активность, согласитесь, Павел, в столицах чаще проявляют уроженцы не столиц...

— Я южный человек родом из Туапсе, вырос у Черного моря. А что это значит? А то, что энергия моря и солнца награждает потенциалом, который требует какого-то выплеска. Человек, пропитанный стихиями, обязательно нацелен на победу, победительность. Ну, а кроме того, у меня гремучая смесь украинской, еврейской и польской крови.

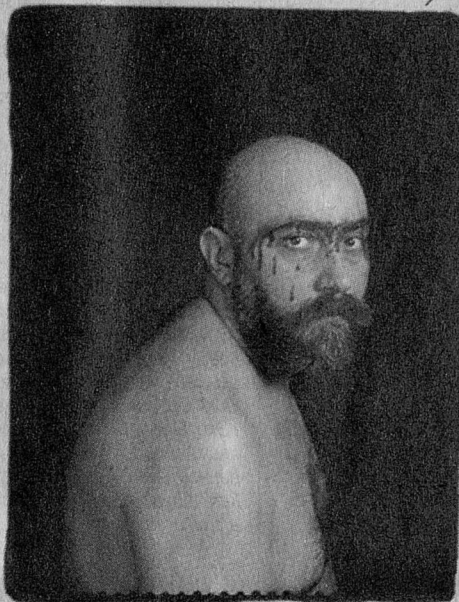
— Насколько я знаю, вы закончили школу-студию МХАТ как актер. Какие же пути привели в сценографию?

— Я понял, что мой удел роли второго плана — комедийные, характерные. Я не получал от них удовольствия. Для ТЮЗа я был очень высокий, поэтому мне доставались роли всяких дядек, оленей и верблюдов. Не раз уже замечал, что как только мне становилось тесно в отведенных рамках, все мое существо стремится сделать нечто такое, чтобы прорвать их. Для этого надо уметь слышать самого себя, и тогда ты правильно выйдешь. Вот мое-то эго и совершило такое салто, в результате которого я стал рисовать.

— Просто так, на ровном месте?

— Я работал в питерском ТЮЗе. Не могу сказать, успешно или не успешно. Непонятно. Может, в другом театре я иначе себя бы почувствовал и не вышло бы из меня никакого художника. Меня Петр Наумович Фоменко, с которым я впоследствии много работал именно как художник, приглашал к себе тогда актером, но по разным причинам этого не получилось. Из театра я ушел в армию и в это время познакомился с девушкой, которая потом стала моей женой, а она работала художницей по костюмам на «Ленфильме». Дома были краски, и я начал рисовать. Сейчас я, например, вообще не рисую. Вот если завтра, допустим, нужно подать эскизы, я беру и делаю их, а каждый день с красками, чтобы совершенствоваться, не сижу. У меня идет какая-то другая работа над собой. Я люблю делать только то, что мне удобно, как и находиться только там, где мне комфортно.

— Не любите лишний раз преодолевать трудности?

Павел Каплевич.
Фотопортрет работы Юрия Грымова

— Мне преодоление трудностей никогда ничего не дает. Никакого результата вообще, тем более позитивного. Просто ноль, зеро.

— Вы готовы круто менять жизнь?

— Если бы я хотел круто изменить свою жизнь, то уехал бы во Францию, куда зовут. Или в Америку, куда меня тоже настойчиво приглашают в качестве модельера, поскольку недавно на международном конкурсе «Альба-Мода» я получил корону короля моды. Причем в показе участвовали крупные художники авангардистской моды. В прошлом году показывал женскую коллекцию, в этом — делал мужскую. Вот видите шарф? Эти пятна выглядят как шерсть теленка, и белые куски не вшиты, не клеены, не протканы, а именно *врощены* по моему ноу-хау, по собственной технологии. Когда это увидела Мишико Кашима, она просто завизжала от восторга.

Меня уже так много чего здесь держит, причем очень важных, главных для меня вещей, что пока желания уехать не возникает. Я сам сюда крепко врощенный.

— Вы работаете и как продюсер — это для вас «проба пера» или важное дело?

— Мне интересно быть не просто продюсером, хочется поставить дело шире. Я хочу находить талантливых людей и выступать для них в качестве «трамплина», с которого они могли бы стартовать. Не важно, будет ли это актер, художник, администратор, продюсер, режиссер или писатель. Мне именно такое дело интересно.

— На новичках денег не заработаешь.

— Я зарабатываю тем, что придумываю суперэксклюзивные пространства — рестораны, магазины, бизнес-центры, спортивные центры. В Москве это, например, невероятный оружейный магазин «Царская охота», сеть магазинов «Кольчуга», ресторан и спортивный центр «Старая мансарда», магазин модной одежды «Депо», зал «Мономах» и много чего другого.

— Расскажите о вашем собственном старте.

— Мои работы увидел Анатолий Васильев, и я попал в Школу драматического искусства, которую в шутку называл школой драматического испуга. Я работал художником по костюмам. К Анатолию Александровичу я испытываю огромную благодарность за то, что он взял меня, несмотря на отсутствие специального диплома. И мое образование — это Васильев, который делал меня для себя.

— Что бы вы определили как свою лучшую работу в кино?

— Фильм «Анна Карамзозф», который был представлен в Каннах. Это этапный момент моей жизни, так же как и работа у Васильева. Ну, еще есть все ранние фильмы Эйрамджана, включая «Мою морячку», есть «Такси-блюз», «Луна-парк», «Лимита», «Мама», «Русский проект» Дениса Евстигнеева. С режиссерами «параллельного кино» братьями Алейниковыми мы сделали «Здесь кто-то был» и «Трактористы-2». С Залманом Кингом сделал шесть серий «Похождений Красной туфельки».

— Известно, что вы не просто работали с такими звездами, как Вертинская, Волчек, Мордюкова, но и продолжаете дружить...

— Нонна Викторовна, с которой я познакомился на картине «Луна-парк» десять лет назад, моя очень близкая подруга. У нее вкус к жизни бешеный. Она, конечно, уникум! Очень точно все чувствует — человека, ситуацию, работу. После спектакля «Хлестаков» она мне подарила свою книжку с надписью: «Павлик! Оставь на время свои «кислотки» и врубись в колхоз».

Недавно сделал ей черный элегантный пиджак из своих тканей с отделкой врощенной каракули. Она была в нем на своем юбилее как куколка. Здесь в России есть несколько женщин, перед которыми преклоняюсь, — это Нонна Мордюкова, совершенно обожаемая мной Настя Вертинская, Танечка Друбич. Ну и Галина Волчек, абсолютно особый для меня человек. Вышло так, что я потерял за пятнадцать дней и отца и мать, когда выпускал спектакль «Пигмалион» в «Современнике». И как-то получилось, что произошел перенос качества. Я очень почувствовал ее участие. Она необыкновенно теплый человек. Это тот случай, когда я уже никогда нигде не денусь. Такие люди и составляют для меня самую важную ценность в жизни.

— А ваша семья?

— Моя жена — правнучка Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, мы живем в его доме, построенном в 20-х годах в Барвихе.

Приемная дочь учится в институте, а мой сын Максим — в третьем классе, хотя ему только семь лет.

— Вундеркинд?

— Ну да, он такой особенный. Спрашиваю: «Папа, ты знаешь, что иногда дети рождаются со сросшимися телами? Как же они на выборы пойдут?» А то утром однажды завалился и будит меня. Я отвечаю: «Не могу подняться». Через полчаса он снова приходит и говорит: «Папа, давай вставай, я тебе уже с чаевыми дал поспать». Оригинальный парень.

Валентина СЕРИКОВА